

Закариус Лютый

СЛОВО ПАСТУХА

КЛЯТВА, ПРОВЕРЕННАЯ ПУСТЫНЕЙ

Закариус Лютый

**Слово пастуха. Клятва
проверенная пустыней.**

«Автор»

2026

Лютый З.

Слово пастуха. Клятва проверенная пустыней. / З. Лютый —
«Автор», 2026

Брошенный в гнев камень уносит жизнь человека, и пастух Муса ждет приговора. Ему дают один день, чтобы отдаться на волю судьбы и выплатить долг, а поручителем за него становится уважаемый праведник. Успеет ли Муса вернуться до захода солнца и вернет ли веру в человеческую честь?

Содержание

Часть 1: Убийство	5
Часть 2: Суд и плата за честь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Слово пастуха. Клятва проверенная пустыней.

Часть 1: Убийство

Солнце над пустыней висело низко, тяжелое и белое, как раскаленный металл. Воздух дрожал над камнями и лишь изредка сухой ветер приносил горьковатый запах полыни. Муса сидел в тени чахлого саксаула, прислонившись спиной к его шершавому стволу и следил за своими овцами. Животные медленно текли по дну пересохшего русла, выискивая редкие пучки выгоревшей травы. Тишина стояла такая, что Муса слышал хруст перетираемой овцами колючки и шорох мелких камешков под их копытами. Он пас овец здесь с детства, знал каждый бархан, каждый куст. Знал он и невидимые границы, проведенные не на картах, а в памяти людей — где чья земля. Но сегодня овцы, гонимые голодом, потянулись дальше обычного. Они пересекли неглубокую ложину и рассыпались по склону, который принадлежал человеку по имени Лахаб. Муса заметил это не сразу, а когда поднялся, чтобы погнать отару обратно, было уже поздно. От дальних шатров, размахивая руками быстро шел человек, это был Лахаб — грузный, с темным от злости лицом. Он что-то кричал, но слов ветер не доносил. Подойдя ближе к овцам, Лахаб нагнулся, поднял с земли тяжелый острый камень и с силой запустил им в ближайшую ярку. Камень глухо ударил овцу в бок, животное жалобно заблеяло и шарахнувшись в сторону. Все стадо всполошилось, сбиваясь в испуганную кучу.

— Не надо! — закричал Муса, бросаясь вперед. Руки его взметнулись в умоляющем жесте.

— Не бросай камни! Я увожу их, слышишь? Увожу!

Но Лахаб будто не слышал. С каким-то остервенением он схватил второй камень, больше первого и снова размахнулся, целясь в самую гущу овец. Его лицо было перекошено яростью, он не желал слушать, не желал ждать. Каждый его бросок был полон не просто хозяйского гнева, а какой-то темной, слепой жестокости. Муса видел, как второй камень просвистел в воздухе совсем рядом с головой молодого барашка. Внутри у пастуха что-то оборвалось, эти овцы были не просто его имуществом, они были его жизнью, его безмолвными подопечными, которых он охранял от волков и змей, а они гарантировали ему пропитание. Мысль о том, что он стоит и смотрит, как чужой человек калечит его стадо, стала невыносимой. Гнев, горячий и внезапный, залил ему глаза пеленой, более плотной, чем солнечный свет. Не думая и не взвешивая последствий в состоянии какого-то помутнения, Муса сам нагнулся и схватил первый попавшийся под руку булыжник и почти не целясь с отчаянным гортанным криком швырнул его в обидчика. Он хотел лишь испугать, заставить Лахаба остановиться, отвлечь его. Но камень, пущенный сильной рукой, словно обрел собственную злую волю. Описав короткую дугу, он с мерзким, чавкающим стуком ударил Лахаба прямо в висок, мужчина замер на мгновение, его руки безвольно упали. Он покачнулся, сделал неверный шаг в сторону, словно искал точку опоры в дрожащем воздухе, а затем грузно как мешок осел на землю. Голова его безжизненно откинулась на серый камень, а из-под виска, смешиваясь с песком, заструилась алая кровь.

Наступила звенящая тишина, нарушаемая лишь испуганным дыханием овец. Муса стоял, опустив руки и смотрел на дело своих рук. Гнев схлынул так же мгновенно, как и накатил, оставив после себя ледяной и липкий ужас. Он не хотел этого, крики о помощи застряли у него в горле. И тут тишину разорвали другие крики. На шум и вопли из-за бархана выскочили двое сыновей Лахаба, работавших неподалеку. Увидев отца, лежащего на земле и Мусу, застывшего с белым как полотно лицом, они все поняли мгновенно. Их горе было диким и первобытным. С

воям, переполненным болью и жаждой мести, они бросились к пастуху. Муса даже не пытался бежать, ноги стали ватными, в ушах стоял звон. Сыновья Лахаба налетели на него, грубо скрутили руки, вырывая их из суставов, сорвали с головы платок. Их лица, искаженные плачем и ненавистью были совсем близко.

— Убийца! — хрипел один, брызгая слюной.

— Ты убил нашего отца! Ты заплатишься за это головой!

Они не стали чинить самосуд. Им очень бы этого хотелось, но повеление пророка, да благословит его Всевышний и указ правителя прямо запрещали самоуправство и кровную месть. Только суд правителя мог определить то, какое наказание должен получить виновный, иначе сами братья могли стать обвиняемыми. Связав ему руки за спиной грубой веревкой, которая больно впилась в запястья они, подгоняя пинками и ударами, повели Мусу прочь от его испуганного стада, через пустыню к шатру правителя. Ими двигало горе, обида, злость и огромное желание получить справедливое наказание для человека, убившего их отца. Наказание, освященное законом, о котором они уже знали — жизнь за жизнь.

Муса шел, спотыкаясь о камни, чувствуя на губах соленый вкус собственной крови и слез. Он знал: впереди его ждет суд, где его горе и его вина станут неразличимы. Случайно брошенный камень лег на чашу весов его судьбы неподъемной гирей и пустыня, безмолвный свидетель его жизни и его преступления равнодушно смотрела ему вслед. Сыновья Лахаба гнали его через раскаленную каменистую равнину, не давая ни глотка воды, ни минуты передышки. Солнце поднялось высоко и палило нещадно, но они не замечали ни жары, ни усталости — горе и ярость гнали их вперед. Вдалеке показались очертания шатров правителя и вскоре они вышли на большую утоптанную площадь, где обычно решались споры и вершился суд.

Часть 2: Суд и плата за честь

Шум и крики привлекли внимание — из шатров, от колодцев, от мастерских, от рынка отовсюду стал стекаться народ. Люди встревоженные и любопытные бросали свои дела и спешили к площади. Воздух наполнился гулом голосов: спрашивали, что случилось, ахали, качали головами. Весть о том, что привели убийцу, разнеслась мгновенно, как ветер разносит искры от костра. Вокруг Мусы и сыновей Лахаба быстро сомкнулось плотное кольцо людей хмурых, испуганных, осуждающих. Связанные руки пастуха горели от веревок, но сильнее жгли устремленные на него взгляды людей.

Сам правитель, высокий мужчина в самом расцвете зрелости в темном покрывале, расшитом по краю серебряной нитью, уже вышел из своего шатра и стоял, опираясь на посох. Его глаза, глубоко сидящие под седыми бровями, смотрели спокойно и строго. Он поднял руку, призывая всех к тишине и площадь замерла.

— Говорите, — коротко приказал он.

Старший сын Лахаба, тот у которого на щеке дрожал еще не высохший след слез шагнул вперед. Голос его прерывался, то срываясь на крик, то падая до хриплого шепота. Он рассказал, как они услышали шум, как прибежали и увидели отца лежащим на земле с пробитой головой и как этот человек, он ткнул пальцем в Мусу стоял над ним с окровавленным камнем в руке. Младший брат стоял рядом, кусая губы и молча кивал, а из глаз его безостановочно текли слезы. Когда старший закончил, он обвел взглядом толпу и выкрикнул сорванным голосом:

— Мы требуем справедливого суда! Кровь за кровь! Пусть ответит за смерть нашего отца!

По толпе пробежал ропот. Люди смотрели на Мусу и в их глазах он читал приговор. Правитель же перевел взгляд на связанного пастуха.

— А теперь ты, — сказал он. — Говори.

Муса поднял голову. Он не пытался оправдываться ложью, глухим, измученным голосом он рассказал все, как было — как овцы зашли на землю Лахаба, как Лахаб не слушая его просьб стал кидать камни в беззащитных животных, как он, Муса, кричал, умолял остановиться, но Лахаб был в ярости и не желал ничего слышать. И как тогда, в отчаянии, он сам бросил камень — не для того, чтобы убить, а чтобы лишь заставить Лахаба отступить, чтобы защитить своих овец, чтобы остановить жестокость.

— Я не хотел лишать его жизни, - заканчивая, сказал Муса и голос его дрогнул. — Клянусь, у меня и в мыслях не было причинить ему вред. Я виноват в том, что дал гневу ослепить меня. Но я хотел лишь остановить его и увести моих овец. Видит Бог, я не желал этой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.